

Операции Юнь Цинцин и её супруга прошли благополучно, и Юнь Чжицю наконец-то смогла вздохнуть с облегчением.

В последующие дни Бай Муюнь несколько раз наведывался в больницу, но каждый раз ограничивался парой дежурных фраз и быстро уходил. Вокруг Юнь Цинцин и так хватало людей, желающих проявить заботу, поэтому со временем он и вовсе перестал там появляться. Лишь Юнь Чжицю регулярно звонила ему, чтобы отчитаться о том, как идёт восстановление сестры.

Что же касается сплетен в сети, то они разделились на два противоборствующих лагеря. Одни вовсю трубили о «неблагодарности и холодности Бай Муюня, который почти не навещает родную мать», другие же яростно обсуждали саму Юнь Цинцин, которая «ради карьеры бросила маленького сына на произвол судьбы, скрыла брак и рождение ребёнка, обманывая фанатов».

В этой информационной войне команда Юнь Цинцин не решалась идти в лобовую атаку, ведь всё раскопанное прессой было чистой правдой. Они не смели переводить стрелки на Бай Муюня — и дело даже не в том, как отреагируют его пиарщики, а в том, что сама Юнь Цинцин этого бы не позволила.

Она чувствовала глубокую вину перед сыном. Поэтому единственное, что оставалось её агентам — это продвигать нарратив о том, как сильно Юнь Цинцин любит Бай Муюня, просто работа была слишком изматывающей, а сама она — беспомощной и терзаемой раскаянием. В остальном же они фактически смирились с волной насмешек и критики.

Более того, пока Бай Муюня клеймили в сети как «холодного и бесчувственного», люди Юнь Цинцин были вынуждены то и дело косвенно выступать в его защиту.

На стороне же Бай Муюня отдуваться приходилось только сотрудникам компании. Сам «виновник торжества» от начала и до конца не выказал ни капли беспокойства.

Кинокомпания Юньин. Кабинет Бай Муюня

— Выпишите отделу по связям с общественностью двойную премию. И без лишней надобности меня не беспокоить, — распорядился Бай Муюнь.

Он сидел за столом после совещания и лениво постукивал по клавишам ноутбука. В углу рта у него торчала палочка от леденца. Леденец был со вкусом манго — Лу Янь как-то обмолвился, что они ему очень нравятся.

Хуа Ваньцин замялась:

—...

— Что-то ещё? — не поднимая глаз, спросил он.

Даже зная, что Бай Муюню плевать на чужое мнение, Хуа Ваньцин не сдержалась:

— Почему ты совсем не интересуешься собственной репутацией?

Некоторое время назад тему его «холодности к матери» активно раздували недоброжелатели. Нельзя сказать, что его возненавидел весь интернет, но это был серьёзный репутационный кризис. А Бай Муюнь даже ни разу не зашёл в Вэйбо. Обо всех новостях и ходе дела он узнавал только тогда, когда Хуа Ваньцин сама приходила и докладывала ему.

Поразительное самообладание. Или безразличие.

— А зачем мне тогда отдел пиара?

— И ты им настолько доверяешь?

— Иначе зачем я их содержу? — он мельком взглянул на неё, вскинув бровь.

Хуа Ваньцин промолчала. Логично, не поспоришь.

— Завтра я уезжаю в город К. Тебе со мной ехать не нужно, приглядывай за Синъи. Помощник, которого я просил найти, уже готов?

В «Юньин» было всего два артиста и один менеджер. Менеджер Сяо Синъи уволился год назад, а Бай Муюнь в услугах агента особо не нуждался, поэтому Хуа Ваньцин взяла Синъи под своё крыло.

— Да, нашла. А куда ты отправил Цзи Бая?

— Личное дело, — Бай Муюнь с хрустом разгрыз леденец. — Кстати, Синъи пора подыскать нового постоянного менеджера.

— Уже ищу.

— Хорошо.

Бай Муюнь выложил новую главу своего романа и добавил в примечании автора:

«В реале навалилось много дел. Ежедневные обновы отменяются, буду выкладывать по возможности. Увидимся, когда увидимся. Не скучайте».

Затем взял телефон и продублировал это же сообщение в Вэйбо Дань Мин Мо.

[- Нет! [мем с тянущимся в отчаянии Эركانгом.jpg]]

[- У-у-у-у, муж-Погрузчик, бог мой, ну нельзя же быть таким жестоким! Неужели мои дифирамбы были недостаточно искренними, или я закидал тебя слишком малым количеством "бомб"?]

[- Эх, хотя ты и предупреждал, но когда этот момент настал, моё сердце всё равно предательски заныло~]

[- Только не это! Обещаю, я больше никогда не буду материть тебя за то, что ты убил Чжунли Чжао! Не буду называть тебя королем недостроев! Даже бритвы в конвертах слать перестану! Пиши хоть по триста слов в день, только не пропадай!]

[- Ребят, вы что, за эти два года совсем зажрались? Забыли, что у Погрузчика еще пару лет назад было прозвище "Главный подонок, бросающий вбоквелы"?]

[- Он просто вернулся к своей истинной натуре. Вся наша преданность псу под хвост!]

[- Погрузчик — он и в Африке Погрузчик. Разве можно ждать от него человеческого отношения? [мем с рыданиями в три ручья.jpg]]

[- Долой Погрузчика, верните мне Чжунли Чжао!]

...

Бай Муюнь отбросил телефон, откинулся на спинку кресла и, прикрыв глаза, устало потер виски. Иногда, когда ты слишком долго о чём-то заботишься, но не получаешь ответа, приходится заставлять себя стать равнодушным. Заставлять до тех пор, пока безразличие не станет твоей второй натурой.

Он уже не помнил точно, сколько ему было лет — кажется, он тогда ещё учился в начальной школе.

В то время Юнь Цинцин уехала на съёмки в город Цяоши. Бай Муюнь всеми правдами и неправдами разузнал, где именно она снимается. Дождавшись выходных, он уговорил Лу Яня, и они вместе два часа тряслись в автобусе, чтобы добраться до места.

Они прятались в углу, наблюдая за Юнь Цинцин. Она выглядела невероятно элегантной, с безупречной улыбкой раздавая интервью.

Бай Муюнь тогда шепнул Лу Яню:

— Видишь? Это моя мама. Красивая, правда?

Лу Янь кивнул:

— Красивая. Просто ослепительная.

Бай Муюнь гордо улыбнулся:

— Она только что получила статус Кинодивы. Она играет лучше всех.

Лу Янь подбодрил его:

— Ты в будущем обязательно станешь таким же крутым, как она. Получишь Киноимператора.

— Само собой. Чей я, по-твоему, сын?

Глаза Лу Яня ярко заблестели:

— Ты станешь даже круче неё. Знаешь ведь поговорку: «Ученик превзошёл учителя»?

Бай Муюнь осклабился:

— Тогда держись за меня. Будем получать награды вместе.

В этот момент взгляд Юнь Цинцин случайно упал на них. Увидев сына, она не выказала ни радости, ни удивления. На её лице отразилось лишь замешательство, которое мгновенно сменилось паникой, почти граничащей с ужасом.

Бай Муюнь растерянно моргнул. Он не понимал, почему мама так на него смотрит. Неужели она не рада, что он приехал её навестить?

Лу Янь тоже выглядел озадаченным.

Спустя пару минут к ним незаметно подошёл менеджер Юнь Цинцин и быстро увёл их прочь.

В гримёрке Юнь Цинцин была вне себя от ярости. Она сорвалась на сына, требуя ответа: зачем он приехал? Кто ему сказал, где она? Неужели он не понимает, что чуть не погубил её карьеру?

Бай Муюнь не понимал. Он видел маму так редко, что не мог взять в толк, почему его появление вызывает у неё страх и гнев.

«Мам, почему ты злишься?» — только и смог выдать он, чувствуя себя совершенно потерянным.

Юнь Цинцин, всё ещё пребывая во власти страха, что её тайный брак и ребёнок будут раскрыты, смотрела на него с нарастающим отвращением. Она кричала на него, не выбирая выражений.

Бай Муюнь уже не помнил всех слов, что она тогда бросила ему в лицо. В памяти осталось только ощущение невыносимой, удушающей боли. Его считали обузой. Его ненавидели. Собственная мать его боялась.

Но одну фразу он запомнил навсегда. Юнь Цинцин сказала, что при посторонних он не смеет называть её мамой. Он должен притворяться, что они не знакомы.

В тот день он рыдал, вцепившись в Лу Яня. Рыдал так, что не мог вздохнуть:

«У меня больше нет мамы... Она бросила меня. Я ей не нужен...»

Лу Янь плакал вместе с ним, ещё сильнее, то и дело всхлипывая и икая от слёз:

«У меня тоже нет мамы. Моя мама умерла... Мы оба теперь одни...»

Внезапно Бай Муюнь почувствовал, как кто-то обхватил его за ногу. Подавив инстинктивное желание стряхнуть с себя «груз», он открыл глаза и увидел невинный и невероятно красивый взгляд.

Хорошо, что не пнул. Иначе Сяо Синъи его бы живьём закопала.

— Братик~ у тебя плохое настроение? — пролепетал Сяо Линьюань своим тонким детским голоском.

Бай Муюнь подхватил малыша и усадил к себе на колени:

— Зови меня «дядя», иначе дядя не купит тебе игрушек.

Маленький сюрприз тут же покорно исправился:

— Дядя Ба-а-ай, у тебя что-то болит?

— С чего ты взял? Я могу поднять пять таких, как ты, одной левой. Я здоров как бык.

Малыш заливисто рассмеялся и протянул крохотную мягкую ладошку к лицу Бай Муюня:

— Дядя хмурится. Мама говорит, если человек хмурится — значит, ему грустно или он заболел.

Бай Муюнь тепло улыбнулся:

— А если он улыбается?

Маленький сюрприз серьёзно ответил:

— Тут всё зависит от ситуации. Бывает много разных случаев.

— О как? Твоя мама даже классификацию тебе составила? И что, твоя маленькая голова всё это помнит?

Малыш на мгновение приуныл:

— Нет, не помню. — Но тут же снова просиял: — Мама сказала, когда я вырасту, я всё пойму.

— Ха-ха-ха, ну, тогда расти скорее.

— Мама говорит, тут спешить нельзя. Если я буду расти слишком быстро, ей не хватит денег на одежду. Так что велела расти ме-ед-лен-но, — с самым серьёзным видом изрёк ребёнок. — Ещё она сказала, что пока я не вырос, ей нужно успеть найти мне папу. — Цзинси нахмурился. — Но потом добавила, что папа — это вопрос судьбы, так что лучше мне всё-таки не торопиться с ростом.

Бай Муюнь не выдержал и расхохотался, ущипнув его за щёчку:

— Твоя мама вечно несёт всякую чепуху.

Сяо Синъи была удивительной женщиной.

Три года назад она отправилась в путешествие за границу, где случайно провела ночь с незнакомцем. Вернувшись, она обнаружила, что беременна.

Тогда менеджер уговаривал её сделать аборт. Внебрачная беременность, если бы она всплыла, поставила бы крест на её карьере.

Но у Сяо Синъи была своя логика: она могла прожить жизнь без мужа, без постоянного мужчины, но ребёнок у неё должен быть обязательно.

Синъи вообще была натурой противоречивой. То она считала себя первой красавицей в мире, в которую невозможно не влюбиться, то впадала в депрессию, сокрушаясь, что достойных мужчин не осталось. Главным ударом для неё стало признание её идеала — Бай Муюня. Когда она призналась ему в любви, тот не просто отказал, а сообщил, что он гей. Это подкосило её веру в человечество.

В какой-то момент она решила, что больше никогда не полюбит, ведь никто не сравнится с Бай Муюнем.

Забеременев после той случайной ночи, Синъи всё обдумала и пришла к выводу: вряд ли ей ещё когда-нибудь попадётся такой красавец-натурал. «Такие гены — и задаром! Нельзя упускать шанс», — решила она.

Когда Бай Муюнь узнал о её решении, он, как босс компании, не стал уговаривать её на аборт ради карьеры. Он лишь серьёзно спросил: не станет ли она в погоне за славой пренебрегать ребёнком? Не сочтёт ли его однажды обузой?

Сяо Синъи ответила мгновенно:

«Да как ты можешь такое говорить! Мой малыш не будет ни в чём нуждаться!»

Бай Муюнь долго смотрел на неё — так долго, что Синъи, в своём самолюбовании, уже решила, будто он передумал насчёт своей ориентации. Но он лишь произнёс:

«Хорошо. Раз решила рожать — неси за него ответственность. Даже если всё вскроется, компания тебя не бросит. Мы защитим и тебя, и ребёнка. Не бойся балласта, не бойся за карьеру. Мы сделаем всё как надо. Компания — твой тыл».

Сяо Синъи была растрогана до слёз и уже потянулась было обнять босса, но Бай Муюнь ловко увернулся и холодно напомнил:

«Я гей».

Синъи только раздосадованно закатила глаза:

«Ой, да помню я!»

Бай Муюнь ещё немного поиграл с Цзинси, а потом спохватился:

— А как ты тут оказался? Где мама?

Маленький сюрприз радостно возвестил:

— Меня привела тётя Чжао! Я жду маму, она обещала повести меня гу-лять~

<http://bllate.org/book/18159/1759208>